

«ВОТ РОДИНА МОЯ...»

поэтическая антология

Оренбург
2020

УДК 82-1
ББК 84 (2Рос=Рус)
6.5
В 79

Поэтическая антология оренбургских авторов,
посвящённая 275-летию Оренбургской губернии
и 85-летию Оренбургской области,
издана Оренбургским региональным отделением
Союза российских писателей

при поддержке
Областной молодёжной общественной организации
«Союз оренбургских студентов»

«Вот родина моя...». Поэтическая антология. — Оренбург: Издательский центр МВГ, 2020. — 156 с.

ISBN 978-5-9072976-2-3

Антология стихотворений «Вот родина моя...» посвящена Оренбуржью, и потому её по праву открывает бессмертное произведение нашего знаменитого земляка С. Т. Аксакова, строчкой из стихотворения которого книга и названа. В своих стихах современные оренбургские поэты искренне признаются в любви к родному краю, пишут о тех его уголках, к которым прикипели сердцем, о его прошлом и настоящем, об исторических событиях и о наших современниках.

© Авторы, стихотворения, 2020 г.
© Издательский центр МВГ, 2020 г.

СЕРГЕЙ ТИМОФЕЕВИЧ АКСАКОВ

Вот родина моя...

Вот родина моя... Вот дикие пустыни!..
Вот благодарная оратаю земля!
Дубовые леса, и злачные долины,
И тучной жатвою покрытые поля!
Вот горы, до небес чело свое взносящи,
Младые отрасли Рифейских древних гор,
И реки, с пеною меж пропастей летящи,
Разливом по лугам пленяющие взор!
Вот окруженные башкирцев кочевьями
Озера светлые, бездонны глубиной,
И кони резвые, несчетны табунами
В них смотрятся с холмов, любяся собой!..
Приветствую тебя, страна благословенна!
Страна обилия и всех земных богатств!
Не вечно будешь ты в презрении забвенна,
Не вечно для одних служить ты будешь паств.

ДИАНА КАН

* * *

Мир озарён прощальной улыбкой
Ультрамарина, что целует просинь.
Кармином, охрой, киноварью пылкой
Поделится аксаковская осень.

Здесь пурпура и терракоты встреча,
Что сходятся в лесах стеной на стенку.
Но никакого нет противоречья
В прощальном буйстве красок и оттенков.

И так щедра осенняя палитра
Волшебного аксаковского слова,
Что как тут обойдёшься без пол-литра...
Дождя животворящего грибного?

* * *

Не кручинься и не плачь,
Что под небом зябко мгlistым,
Оренбургский карагач,
Ты глядишься неказистым.

Не печалься, не грусти,
Что не уродился кедром,
Ибо кедру не снести
Приступов степного ветра.

Непокой да неуют.
Да ещё (их нрав неистов!)
Вновь и вновь стеной идут
Степняки-ветра на приступ.

И чинуш спесивых рать —
Ты им тоже не по нраву.
Ой, горазды вырубать
И налево, и направо!

Размахнутся топором —
Только мы тебя видали!

Что им, дурням, что знаком
Ты был с Пушкиным и Далем?

Пригодятся на гробы
И на плашки для паркета
Кабинетные дубы,
Не знакомые с поэтом.

Что им гордый русский стих,
Устремлённым на Канары?..
Ты — бревно в глазу у них,
Знойным пальмам ты не пара!

Топором взмахнёт палач...
В дни печали и раздора
Оренбургский карагач —
Малой родины опора!

* * *

Смирению у Пушкина учусь,
Хотя от дури никуда не деться.
Но русская эпическая грусть
Всё побеждает в нашем русском сердце.

В родной Берде, мятежной слободе,
Что гениальным Пушкиным воспета,
В шальной Берде, быть может, как нигде,
Себя невольно чувствуешь поэтом.

Здесь вольный дух казачий не угас...
Вдали от политического вздора
Казачки вяжут шали на заказ,
Вывязывая вьюжные узоры.

Завет Берды, мятежной слободе,
Назло всем новомодным экспертизам
От звонких звёзд до пыльной лебеды
Высокою поэзией пронизан.

Дух бердяшей, яицких казаков,
Здесь умывался кровушкой бунтарской.

Здесь Емельян Иваныч Пугачёв
Озорвал воистину по-царски.

Рубил сплеча он, а любил дотла...
Императрица умная недаром
Яик-реку строжайше нарекла,
Чтоб с глаз долой, из сердца вон, Уралом.

«Какое ж тут смиренье?» — спросишь ты,
Мой умный уважительный читатель,
Спугнув тысячелетние мечты
О русском счастье, что всегда некстати.

* * *

На распахнутом настезь просторе
Город мой, белокаменный князь,
Азиатским ветрам непокорен,
Что приходят, до неба клубясь.

Он расскажет немало историй,
Обойдётся при этом без слов...
Орен, Орен, ветрам непокорен,
Ибо сам — повелитель ветров!

Созерцаем высокие звёзды,
Небосвод зажигаем с утра.
На станицы, погосты, форпосты
Насылаем шальные ветра.

Но всегда вопрошаю при встрече:
«Город детства, да кто ты таков?
Как ты смеешь мне вечно перечить,
Мне, законной царице ветров?..»

Но и он себе ведаёт цену,
Хоть не будет трезвонить о ней.

Горделивый, строптивый, надменный
Повелитель ветров и степей.

Я б, наверно, не стала поэтом,
Пересмешница и егоза,
Если б мы не схлестнулись на этом
Много-много столетий назад.

* * *

Родничный Дол... Саринский сырт...
А недалече Колтубанка
Верстах в девятистах лежит —
Усталых путников приманка.

От громких городских сюит
Сюда сбегают за свободой...
Здесь речка Бузулук струит
Свои лирические воды.

Медовым светом залит бор,
Слагающий лесные сказки.
Здесь Приуралье с давних пор
С Поволжьем обнялись по-братски.

Не абы как, не как-нибудь,
Но до сих пор с имперским тактом
Здесь Пушкин пролагает путь
Мятежным пугачёвским трактом.

Официозы все поправ,
Придворных и притворных оды,
От питерских сюит сбежав,
В Россию едет — за свободой!

* * *

Не в Москву, не в Мадрид, не в Лютецию...
Досмотрев снеговейные сны,
Оренбург превратился в Венецию
Мановеньем царевны-весны.

Погрозил царевична пальчиком.
А на пальчике том — изумруд.
Матом кроют весну коммунальщики
И с сугробами битву ведут.

Оренбургская лужица каждая
Океаном себя нынче мнит.
Разлеглась под ногами, вальяжная...
Разъедрит и Москву, и Мадрид!

Всех царевна-весна подытожила,
Утопила в воде, как котят...
Чертыхаются хмуро прохожие —
Гондольерами быть не хотят!

Что вы ходите мрачными тучами,
Позабыв про наследье отцов —

Ободритов, дреговичей, лютичей —
Основателей всех городов?

Наши предки-венеды Венецию
Основали — им всё нипочём!
Ну а лютичи — город Лютецию,
Ту, что ныне Парижем зовём.

Мы в России жнецы и старатели.
Мы швецы, на дуде игрецы...
Засмурнели зачем, созидатели?
Приуныли почто, стервецы?

Ну подумашь — Швеция, Греция!..
Не грустите, ведь жизнь удалась.
Распахните окошки в Венецию,
Не теряя с Отчеством связь.

* * *

Самару в Оренбурге помнят чаще,
Чем Оренбург в Самаре. Ну так что ж?
И там, и тут я прослыла пропащей.
То и другое — истина и ложь.

Но этой самой истинною ложью
Спасается подлунный грешный мир,
Где дураки похлеще бездорожий,
Чумы похлеще хлебосольный пир.

Ни в Бога и ни в чёрта не поверю,
Когда уже который век и год
Чумных пиров полынное похмелье
И порохом, и кровью отдаёт.

Текут века, а мне и горя мало.
Степным простором допьяна упьюсь...
...Здесь, в междуречье Волги и Урала,
Моим стихом заговорила Русь.

Уральская печальная приبلуда,
Самарская лукавая змея...
Как жаль, что я давно не верю в чудо,
Ведь надо верить — чёрт возьми! — в себя!

* * *

Край мой мятежный.
Край мой крамольный...
Ветер-ведьмак пугачёвщиной дышит.
Край мой далёкий от Первопрестольной.
Горем завейся — Москва не услышит.

Горем завейся, ветром укройся,
Песней утешься, а я буду рядом...
Ойся ты, ойся! Столицы не бойся,
Край мой крамольный, оно тебе надо?

Царь ли царевич? Король, королевич?
В баньке уважь их да в печь на лопату.
Кроток в молитве и страшен ты в гневе,
Край мой, кровавым рассветом объятый.

Что приуныл, опечаленный в стельку?
Что пригорюнился, счастья не чая?
Где ж он, твой царь самозванный Емелька?
Чай, ты случаём по нём не скупаешь?

Тёплым платком оренбургским закутай
Зябкую степь, что от ветра продрогла...
Вспомни свою заливчатскую удаль
И выходи на большую дорогу.

ВАЛЕРИЙ КУЗНЕЦОВ

* * *

Вот родина моя...

С.Т. Аксаков

В моём краю с утра и до утра
Бушуют казахстанские ветра.
Они ревут — что стоит им сорваться?!
Они свистят — что может быть сильней?!
Они несутся с яростью сарматской
По всем просторам пашен и полей!
Гонимые по этой дикой воле,
Как зайцы,

скачут перекасти-поле...

Сама стихия ветра здесь живёт,
Здесь тучи рыщут конницей Мамаю,
Столбами смерчи пыльные вздымая, —
И так из века в век,

из года в год!..

Трещать в мороз,

в жару стгорать от зноя,

Копить пласты наречий и имён,
Служить в веках трубою вытяжную
Степных пространств
И кочевых племён! —
Вот родина моя...

На марах

Здесь так летят мгновения!
Как жаль...
Июнь. От зноя небо побелело.
Даль в мареве,
за нею снова даль —
Не видит глаз ни края, ни предела.

От ветра вечности я словно пьян.
Струится степь, цветением объята.
Передо мною мар — степной курган,
Последняя кочёвка савромата.

Курган чернеет ямой —
побывал
Здесь поздних лет сиюминутный житель,
Прах жадными руками перебрал,
Всё золото искал, степной грабитель!

Жестка она, величия постель —
Уже идут другие, беспокоя...
Но жаворонка детская свирель
Свой ручеёк вплетает в море зноя.

Кузнечики не терпят немоты...
Мар окружён пшеницею и рожью,
И цепкого шиповника цветы,
Как ожерелье, по его подножью...

Курганов пыль древнее пирамид,
О тьме веков не знаю ничего я,
Но вольный, на весь мир открытый вид
Пронзил меня мечтою кочевой!

Здесь обитал огня и света бог,
Курился каменный алтарь кумиру,
И вот детей разорванных эпох
Объединил прекрасный образ мира!

Пусть будет с ним из дали-далека
Душа моя в оставшиеся годы,
Где, как века, проходят облака
Над храмом неба, солнца и свободы!

На степном разъезде

Глухой разъезд. Весенняя пора.

Дымится путь,

что был вчера завьюжен,

Двоится сад в прозрачно-жёлтых лужах...

Куриный бред со всех концов двора...

Какая даль!

Как сердцу не забыться,

Как не смешать с весенней явью сон!

На горизонте — медленные птицы,

Громадные... с походкою ворон...

Свет, всюду свет!

Душа в тиши устала,

И целый день в немую даль зашит,

Пока на миг обвальный гул состава,

Как сон во сне,

твой слух не оглушит.

* * *

Всё, что томило и жгло,
Гнуло и душу ломало,
Бешеным ветром прогнало,
Дикой пургой замело.

Не было вечера злей —
Что же за утро такое:
Белым извечным покоем
Дышит сиянье полей!

Резкой не видно черты,
Женственны синие доли.
Мир — молодой и весёлый,
Мысли — тихи и чисты...

Остановись и свяжи
Оттепели и морозы,
Жизни улыбку сквозь слёзы,
Цельность снегов и души.

Орлёнок

Петру Краснову

С холма разморённой равнины
Полынь, убегая, звенит,
И жадно детёныш орлиный
В пылающий смотрит зенит,

И клюв разевает,

и немо

Он пялит из зева клинок!
Землёю рождённый для неба,
Качается хищный цветок...

Он взглядом недвижно-крылатым
Пронзает белёсый простор,
Но смертно когтистые лапы
Вцепились в родное гнездо.

Он слаб, несуразен,

но — бойся:

Недаром в зрачках протекла
При виде незваного гостя,
Как молния,
ярость орла!

Прощание со степью

Ветер подует — и мигом
Жадно поймаю лицом.
Точно раскрытая книга,
Тот полынок с чебрецом.

Вот и горячее солнце
В свой неизбывный зенит
Снова, как встарь, вознесётся,
Зноем своим опалит...

Жизнь, ты зачем оглянулась? —
Вся-то распахана новь!
Степь исчезает, как юность,
Молодость. И как любовь.

Стала лишь памятью, тенью,
Маревом дальним дрожит,
Да в полосе отчужденья
С поездом рядом бежит.

* * *

Жизнь выбилась из колеи домашней
На колею стальных дорог,
Чтоб дня грядущего

вчерашний

Загородить уже не мог.
И сквозняки степей, и кущи,
И очертанья близких мест
Слились в один быстротекущий,
Один нечаянный разъезд.
Но что бы там ни намелькало
Огнями дальних городов,
Она со мной, полынь Урала —
Трава скитаний и трудов.
На обожжённых склонах лета
Родных небес впитала синь,
Она бледнеет до рассвета
И поит свежестью, полынь...
Она горчит извечно новой
В чертах изученных лица
Приметой родины суровой,
Невыразимой до конца.

Лесной покос в июле 86-го

Дрогнут ромашек головки,
Охнут дыханьем одним —
С блеском коротким литовки
Соком текут травяным!
Сколько навеяно истин:
Лиственный шелест с утра
И на траве, и на листьях
Солнца живая игра!..
Вечер накопит усталость,
Крикнешь:

— Хорош! Не могу!

Где мои силы? Остались
В сложенном за день стогу!
Стог завершает вилами
Дед, по-солдатски прямой.
Пахнет лесными клопами,
Горькой осиной, ветрами,
Вянущей душно травой...
Господи,

как хорошо-то:

Броситься навзничь в траву,
Словно бы в бездну полёта

Или как в сон наяву!
Копны цепочкою длинной —
Сладко смотреть меж копён,
Видеть, как в дымку долины
Падает, падает склон...
Словно весь мир, как когда-то,
Грезит, согласный с тобой,
И небеса не чреваты
Невыразимой бедой.

Январь 1945-го

Казачье предместье.

Рассвет

Сочится в закрытые ставни...

Ты мальчик,

ты юный, недавний —

Тебе ещё возраста нет.

Но есть за ночь выпавший снег,

Есть клён посреди палисада,

Есть мама.

Другого не надо,

Не знает мальчишеский век!..

Белей госпитальных бинтов

Сугробы январского снега,

Как будто он вовсе не с неба —

Из детских и розовых снов.

Ты мальчик, и нос не дорос

До поздних военных метафор,

И всё же, мой будущий автор,

Ты жил в эту зиму всерьёз.

Выходит, смогли осветить

Январь

голубые сугробы —

НАТАЛЬЯ КОЖЕВНИКОВА

Воскресенье в Оренбурге

От Северной Пальмиры с небом ртутным
Отличен разноцветным солнцем утром,
Где львы на каменных ступенях,
забытые, по очереди спят;
а ночью сходят вниз воды напиться
к реке, наказанной царицей,
где ивы замерли стыдливо,
подолы опустив свои до пят;
с ухмылкой Пугачёв таит дубину
и Азии показывает спину
чугунный Лётчик, сам ещё не зная,
что рядом подрастёт летун другой,
невиданной космической закваски,
и смотрит на прохожих без опаски
олень сарматский с мордой золотой;
в кофейнях мало мест, ты растворился,
как в чашке, раздвоился, растроился
воскресным утром в солнце разноцветном,
в фонтанных брызгах, в аромате роз.
Плывёт Пегас над Домом у поэтов,
пойди, поймай, сегодня нет запретов
на слог любовный, мотыльки созвучий,
и что ни скажешь, будет не всерьёз.

* * *

Степь вокруг — как море в непогоду:
Ветра шум в ушах, волненье диких трав.
Жаждали акыны здесь свободу,
Брёл Чингис, смятение познав.

Где они, бродячие ватажки
Первых казаков? Метель и зной,
Вой волков вблизи улусов, бражки
Терпкий вкус, свист сабель за спиной?

И пока воинственные ханы
Уводили женщин их в полон,
Степь сама залечивала раны —
Поле битв среди ковыльных волн.

В Диком поле ни следа от брани,
Ни могил — одна лишь пыль Времён.
Некому платить сегодня дани
Или воевать имперский трон.

Я смотрю на грозовые вспышки
На границах родины моей.

Кое-где ещё маячат вышки
Нехотя закрытых лагерей.

Боль тысячелетий, словно мета,
Ощутима с неба до низин.
И поёт протяжно с минарета
Невидимый глазу муэдзин.

Уральский тракт

На позабытом тракте
к Оренбургу...

И. Бунин

Он полынью в июле пропах,
Пылью Времени, жёсткой и пряной.
Васильки на окрестных холмах
Смотрят в небо светло и упрямо.

Притаились в траве чивили,
По обочинам — синь-ежевика.
И они на охране земли
От Москвы и до батьки Яика.

Осень спрячется в рыжих кустах,
Полетят ввысь тенёты незримо.
Здесь тень Пушкина бродит впотьмах,
Пугачёвскою волей пленима...

Прошлой жизни развеялся прах,
Ни своих, ни чужих нет в помине,
Но проезжему путнику страх
Навевает во тьме он поныне.

Столь пустынно пространство окрест,
Словно знамя, закат его ал.
В затаённость глухих этих мест
Ни один ещё враг не ступал.

И не страшен ни ветер, ни дождь,
Ни бураны в безлюдной дали
Тем, кто выстроил грозную мощь
На окраине русской земли.

От бунтарной реки до Кремля
Дремлет тракт, но, напавший, держись,
Как раздвинется грозно земля
И ракеты нацелятся ввысь.

Степные сосны

И зачем привёз мне однажды крёстный
Вместо бус росток в золотой смоле?
Мол, в подарок дали степные сосны,
Хоть и нет таковых на всей земле.
И пришлось мне, выйдя на босу ногу
В предвечерний сад с молодой травой,
Посадить в песок сию недотрогу
Да поить из чарки водой живой.
Не гналась за славой, стихи и дочки
Подрастали в соснах среди чудес,
Где шептались ночью цветы и почки,
И река Времён обтекала лес.
Он привык к невзгодам — судьба такая.
Достаётся трудно ему вода.
Но от корня к корню перетекая,
Смысловом делится он всегда.
Вот и я на склоне плывущей Леты
Вижу, как из тьмы подползает сушь,
Как силён в поспешности — есть приметы —
Древоточец сосен и мелких душ.

Тюльганский лес

В нём зима поселилась навек,
Но живая речушка журчит,
И невидимый дятел стучит
Средь осинника, вросшего в снег.
Чьи следы там? Мне чары развеи!
Рядом чудные звери сидят,
То ли грезят о чём, то ли спят,
Лапы свесив с промёрзших ветвей.
Отвернёшься — идут по пятам,
Тронешь палкой — рассыплются в прах.
Вслед сорока, презревшая страх,
Застрекочет — такой шум и гам!
И опять тишина. В облака
Вьётся хитрой восьмёркой лыжня,
То сводя там с любимым меня,
То опять разводя на века.

* * *

Во льду бетонное крылечко,
И дали снегом замело,
Где на холмах Сухая Речка —
Достопочтенное село,
Иосафатова долина,
Тюрьмою ставший монастырь.
Отсюда мне видна калина,
Берёза, свалка и пустырь.
И, ничего о них не зная
И зная всё, о том скорблю —
Уйдёт в безвестность даль лесная,
Что я жалею и люблю.
Сгорят берёзы в жаркой печке,
Темниц удвоится число.
Стою и мёрзну на крылечке,
Что в родину навек вросло.

Художнику Ю. Рысухину

...и всё же выдохнуть посмею:
Россия — это тишина.

В. Шемшученко

Белым-бело, мороз под сорок,
В степи не видно ни души,
Ни неба... Только белый морок
В январской меркнувшей тиши.
Испуг мурашками по коже,
Ополовинен каждый вдох.
И крикнуть хочется: ну что же,
Давай, устрой переполох!
Пройдись позёмкой по дороге,
Волчицей сумрачной рыча.
Тут пригодился бы под ноги
Тулупчик заячий с плеча
Петруши... Городи сугробы,
Накрой бураном города,
Не для врагов своих, а чтобы
Сказать — пришла, мол, навсегда.
Художник выставит картины,
Где из событий только снег.
Страну ажурной паутины

Понять не хочет новый век.
Её нещадно в мире судит
Тюрьма да нищая сума!
А я скажу: смотрите, люди,
Россия — это ведь зима...

ВЛАДИМИР МАКУРОВ

Сенокос в армии

Пахнут домом июльские травы
Здесь — в чужих забайкальских краях...
Каждый выкос огромной державы
Деревушкой родимой пропах!

В луговую духмяность прилягу
И, усталый, довольно вздохну.
Этим травам давал я присягу.
Если надо — ещё присягну.

Присягну журавлиному клику,
Птичьим песням, полянам в лесах...
Малой родине, ставшей великой —
До небес — у меня на глазах!

Вокзал

В тумане раннем на сыром бетоне
(зеркальной гладь перрона сделал дождь)
Бежит по лужам, спотыкаясь, тонет
Предутренняя городская дрожь.

Приносит ветер свежесть и прохладу,
Бодрящий талый воздух из степей.
Знакомая вокзальная ограда
Мне кажется и ниже, и темней.

С годами пыль колючей и острее
Летит в глаза с тропинок и дорог.
Дрожит мой город. Я его согрею
Теплом, что на чужбине приберёг.

Разливы Урала

Отец внушал, я помню с юных лет,
Что нет весной доверия Уралу.
Вот и сейчас отцовский жив завет,
Но с каждым годом мне разлива мало.

Прикрыли дамбой улицы, и вот:
Прости-прощай, мальчишеское счастье!
Я так хотел построить крепкий плот
И плыть на нём в мечту с названьем Каспий.

Разливы по весне уже не те.
А может, просто жизнь в рутинной фазе.
Мне никогда не плыть к своей мечте
Ни наяву, ни с помощью фантазий...

Но помнит город вёсны — как шторма:
Вода текла по улице Советской...
И кораблями высились дома!..
И мчалось вдаль моё крутое детство!

Губерлинские горы

Козьи тропы, соседство небес и безлюдье,
Жаркий запах сарматов из бездны веков...
Это смуглые горы, где в каменной груди
Бронзовеют метёлки степных типчаков.

Вновь я чувствую здесь вековое движенье!
Гряды гор наплывают волна за волной...
Что для них человек? Даже меньше мгновенья:
Мимолётная искорка в жизни земной.

Но я встал на горе и застыл сильной птицей,
Презирающей всех затаившихся змей.
И вей-ветер прозрачным потоком струится
По моим волосам, по пучкам ковылей.

Он приносит какие-то пряные смеси
Полусладких степных засыхающих трав,
Влагу прелой листвы — из межгорных пролесий,
А из трещин в камнях — горечь древних отрав...

Посвист ветра так мил и привычен для слуха!
Спуск, что мне предстоит, так отчаянно крут!..

Словно клочья безвесного козьего пуха,
Облака над красой обнажённой плывут.

В небесах больше жизни! Я небо вдыхаю,
С малых лет эту тайну степную открыв.
Я — родня властелину сурового края.
Он плывет над отрогами — пепельный гриф.

Здравствуй, голая родина! Я прижимаюсь
К диким склонам скалистым, к их бархатным мхам.
По кривому ущелью как будто спускаюсь
В глубь земли, в глубь истории, к предкам, к векам...

Корни

Я прилёт и как будто коренья
Вглубь пустил — так устал от ходьбы.
А в лесу — словно варят варенье,
Словно на зиму сушат грибы.

Расстаралось уральское лето,
Обожгло земляники листву
И рассыпалось зноем и светом,
Загустив в небесах синеву.

Улыбаясь, гляжу на корзину.
Жаль, такая у жизни цена:
Лишь надкусишь — и где та малина?
Только кислая клюква одна...

Но не зря походил я борами:
Не сломал, не убил, не украл...
Весь — до сердца — наполнен дарами.
Корни глубже! Дай силы, Урал!

Земля моя

Земля моя — прощающая мать!
Под крыльями лебяжьих облаков
Так хорошо тебя мне обнимать
В полях, где шорох спелых колосков!

В осиннике горят верхушки крон.
Где вербы, там листва ещё светла.
А с колокольни слышен тихий звон —
То свежий ветер бьёт в колокола.

Под ярким солнцем золотистый цвет
На степь ложится с каждым днём смелей.
Я так и не сумел за много лет
Напиться терпким воздухом полей,

Где от соломы сытый дух жнивья
Исходит, манит перелётных птиц...
Они вернутся, родина моя,
Ведь так не пахнут земли заграниц!

Исток

На Земле не страдал я от жажды,
Был судьбою подарен родник.
В обжигающем детстве однажды
Я к воде чудотворной приник.

Над источником треснули скалы,
Древних гор наклонилась гряда.
Видно, выхода долго искала
В подземельях живая вода.

Всё, что наполнило дни ерундою —
Рой пороков, засилье рубля, —
Всё смывалось волшебной водою,
Что дарила родная земля.

Чистый взгляд, золотые веснушки,
Запах поля, рассветный багрец
Для меня нержавеющей кружкой
Зачерпнул из истока отец.

КОВЫЛЬНЫЙ ДЫМ

Знакомый дух ковыльной воли.
Струится ввысь родной простор.
Белеют камни — пятна соли
На пышном хлебе жёлтых гор.

И я — лишь малая частица
Большого солнечного дня.
Из-под небес степная птица
Небрежно смотрит на меня.

Здесь с каждым вдохом крепнет голос,
А в родниках — звон хрустала.
Люблю в степи я крепкий колос
И кукурузные поля.

Но на полях душе не спится —
Размаха мало средь полей.
Ей нужно мчаться кобылицей
Сарматских пламенных кровей,

Лететь на гриве суховея,
За каждым взгорком всё быстрее,

В курганах, где пророс пыреем
Извечный прах богатырей.

И, пропитавшись терпким духом,
Владеть задором молодым!..
Покрыты степи будто пухом...
И сквозь века — ковыльный дым...

Утро в ноябре

До утреннего солнца, до зари
Взметнутся птицы шумною артелью,
Будя туманы, спящие внутри
Крутого губерлинского ущелья.

Продолжат птицы свой извечный путь
В манящий мир заморских побережий...
Скупое солнце поспешит шагнуть
За дымку влаги леденяще-свежей.

И станет небо перевал снежить,
Скрывая эхо суетного грая.
А я воспряну. Кто-то должен жить
Родной землёй... от края и до края.

Дороги малой родины

Дорога от родного дома к звёздам
Легла в ущельях Губерлинских гор.
Успеть бы на неё, пока не поздно!
И я стремлюсь всему наперекор.

Звёзд в небе много, крупных и ничтожных,
Манящих то огнём, то бирюзой.
Как прежде, верю, что в тумане можно
Промыть светила собственной слезой.

Пусть жизнь отшелестела, пожелтела,
Но говорю себе я, не спеша,
Что чем с годами неможнее тело,
Чем меньше сил, тем здоровей душа.

И с каждым днём в душе сильнее светит
Волшебный отблеск девственной зари.
Плениют сердце ветви светлых ветел
И гибкий стан речушки Губерли.

Давно не мерю: мало или много
Впитал я счастья среди будних дней...
Петляют к поднебесному порогу
Дороги малой родины моей.

Камсачка

Пройдя сквозь степь по тропам незнакомым,
Стою на радость местным комарам
Там, где река с ленивою истомой
Течёт на юг по луговым коврам.

А нрав реки — спокойный и хороший!..
Лишь на быстринах, чтоб шугнуть лещей,
Она как будто хлопает в ладоши
Вокруг высоких стройных камышей.

Играя под нависшими кустами,
Не торопясь бросаться наутёк,
Река блестит глубокими местами,
Как глазками непуганый зверёк.

Солончаки

В моём краю с кислинкой вишня,
С горчинкой редкие грибы.
Средь жухлых трав несладкой вышла
И часть моей земной судьбы.

Бывала злой степная волость,
Где я сполна вдыхал полынь,
Где с ковылём сплетался волос,
Где всё познал — и тьму, и синь...

От света, выпавшего за год,
От ветра, холодов, дождей
Зависит вкус грибов и ягод.
А также строй и дух людей!

Тебе б понять хоть попытаться,
Как получился я таков...
Как тяжело сады растятся
Средь вековых солончаков!

Степное детство

Учила жизнь, что всё имеет цену,
Касаясь то нежнее, то грубей.
И я усвоил: всё, что сокровенно,—
Всего лишь отражение степей.

А сами степи отражают небо,
Белея облаками ковыля.
Из терпких трав, мешая быль и небыль,
Взмывает птицей Русская земля.

Мы шли в степи. Рубахи парусили.
Метался строй мальчишеских вихров.
Так я когда-то впитывал Россию
С тревожным духом вековых ветров.

И с каждым вздохом наливался крепью,
Чтоб пронести сквозь вереницу дней
В своей душе размашистые степи —
Бескрайний трепет родины моей.

Русская зима

Из небес ниспустившихся, серых,
Приукрашенных солнечной лужей,
Валят белые снежные перья
Со стеклянными нитями кружев.

Нарастая крупница к крупнице,
Снег скрывает притихшие дали
И на плечи мне грузно ложится,
И к земле стылой тяжестью давит.

Вьюжит в сердце полей бесконечность.
Дух морозами накрепко стиснут.
Одарила судьба русской речью,
Осчастливила снежной отчизной,

Где ветра леденят до озноба
И прозренье приходит со снегом,
Мир крещёный вздыхает в сугробах,
И деревни окутаны небом.

Цветёт шиповник

Цветёт шиповник по краям оврага,
Внизу качает завязи миндаль.
Мне до Урала час неспешным шагом,
А за рекой поёт степная даль.

Средь ковылей рождённые мотивы
Струёй доносит тёплый суховей.
И подхожу я к берегу счастливый,
Удары сердца чувствуя живей.

Судьбу спасая от прослойки фальши,
Рекой-рукою родина моя
Стирает всё, к чему стремился раньше,
Откуда шёл и что оставил я.

Мгновения, что снились месяцами,
До головокружения близки:
Меня встречают мокрыми глазами
На берегах Урала родники.

Оренбургские дали

Корсак — степная рыжая лиса —
Промчится и исчезнет в перелеске,
И сусликов родные голоса
Сольются вновь в свистящей длинной песне.

И, благодарный вечному труду
Наполнившей всю грудь мою природы,
В объятья дымных трав я упаду,
Как в юные немеркнущие годы.

И вдруг затихший ветер оживёт,
И плавно по-над вольными полями
Мой выгоревший волос поплывёт,
Сплетаясь с голубыми ковылями.

Еду в осень

Ценен каждый пробившийся лучик —
Низко небо висит над страной.
Мне с лучом веселее и лучше
Ехать в осень дорогой степной.

Хоть не дышат пожухлые травы,
Но живёт вековечный простор:
По колкам золотистой оправой
Шелестит продувной косогор.

А какие осенние дали —
Ширь для мыслей и высь для души!
Счастье рядом: лишь жми на педали,
Наглядеться на осень спеши!

Растекаются сочные краски
По прожилкам осенних листов.
И дорога — от сказки до сказки —
Вдоль намокших старинных холстов.

АЛЕКСЕЙ НИХАЁВ

Краса степей

Подворья тонут в мареве туманном,
Подрагивает в дымке синий лес,
И вслед за жаворонком покаянно
Душа крылом касается небес.

Коровий караван по гулкой балке
К цветам лугов плывёт за молоком.
Стреляет кнут в пастушьей перепалке
С упрямым, забуянившим быком.

Корова сквозь пушистые ресницы,
Шагая сонно, смотрит на восток,
Где в небо, как от сказочной жар-птицы,
Струится золотых лучей поток.

Вид изумрудный в росных самоцветах
Для всех открыт сверкающим ключом.
Лишь разгляди в обыденных рассветах
Красу степей в пути за молоком.

* * *

В степи, в компании овечьей,
Как в жутком пекле русской бани,
Согласно доле человечьей,
Мой дед безропотно чабанил.
Смотрел, как чёрная овечка
Луч солнца прятала под шубой.
Нагрелась шерсть, свилась в колечко,
Став к сентябрю густой и грубой.
Любовно бабушка кудели
Руна разобранного спряла.
А к дням, когда пришли метели,
Носочки мама мне связала.
Крутя на плашки с «калачами»
В порядке пимокатных правил,
Отец — солёный пот ручьями! —
Мне чудо-валеночки справил.
Я лихо штурмовал сугробы,
Потом чилигой бил обужу
И куцее пальтишко, чтобы
Прогнать злокозненную стужу.
Не брал меня мороз трескучий,
Не брал, хоть верьте, хоть не верьте.

Грел руки-ноги солнца лучик,
Сплетённый с ниточками шерсти.
Хранили валенки-носочки
Огонь огромной русской печки
И рук, спрятавших в клубочки
Кудряшки солнечной овечки.
Я вырос, лихо всунул ноги
В мэйд-ин-заморские ботинки,
Но часто вспоминал в дороге
Из детства тёплые картинки.

Про дом отцовский

И кто здесь только не был на ночлеге,
В домишке на окраине села!
Кого зима бураном не мела...
А летом тарахтели здесь телеги.
— Попить водичка есть? Ряхмят, бала!*
Зимой возницам — угол. Не полати.
(А впрочем, как на это посмотреть...)
Лошадкам — у сарайчиков поветь.
Мне нравилось, как в нашей тёплой хате
Оттаивали шубы, души, снедь.
Той круговерти в хате нету больше,
Но поминают старую добром.
Я видел как-то: в небушке ночном
Вдруг кто-то взял за ручку звёздный ковшик
И поливает крышу серебром.
А если в тихий день остановиться
У этой, самой близкой мне из хат?
Я был бы очень, очень-очень рад,
Когда б услышал, как бабай-возница,
Глотнув воды, шепнул: «Бала, ряхмят...»

---

*Ряхмят, бала (*тюркск.*) — Спасибо, малыш.

* * *

Я ненавидел баню до поры,
Покуда мне не полюбился пар.
Бывало, из убийственной жары
Я удирал с диагнозом «угар».
Теперь я банным дням, как другу, рад,
А в детстве баня наводила страх.
Казалось мне — она тот самый ад,
Где черти варят грешников в котлах.
Там были прокопченные скамьи,
Предбанника чумазого ледник.
Она была одной на три семьи,
Смешил их мой ежесубботный крик.
А я от мыла едкого орал,
Впотьмах искал ведро воды с ледком,
Утайкой пил, блаженно остывал —
Всю кожу смыла тётка кипятком!
По-чёрному, вся баня — дымоход.
Жаль, нет её, но больше бани жаль,
Что погасили дружбы хоровод
Родные, закалённые, как сталь.

Всё, что Родиной зовут

В дымке осени печальной
Над жнивьём родной земли
С песней тихой, прощальной
Вдаль поплыли журавли.
В песне, с крыльями большими —
Степь в тюльпанах, в звёздах пруд.
Птицы, птицы! Знаю, с ними —
Всё, что Родиной зовут.

До весны за журавлями
Над селом закрылась дверь.
Крик прощальный над полями
Эхом носится теперь.
Слышу, в общем-то, простое:
По плечу любой маршрут
Тем, которым не пустое
Всё, что Родиной зовут.

Нежность, верность и тревогу
Взяли странники в полёт.
То, что в дальнюю дорогу,
В путь обратный позовёт.

Жаль, письма с другого света
Нам от тех не принесут,
Без кого неполно это —
Всё, что Родиной зовут.

ВЯЧЕСЛАВ МОИСЕЕВ

* * *

Я жил в том городе, где падает жара
На короба бетонные с утра,
Где в октябре ложится первый снег,
И лишь в апреле снова рек разбег

Свершается. И с утренней зари
К окну летят синицы, снегири
И просят хлеба — только снег в лесу.
Я их спасу, конечно же, спасу,

Насыплю хлебных крошек за окно,
Позавтракаю с ними заодно.
Стучи, синица, клювом мне в стекло,

Покуда время вспять не потекло,
Пока на город падает жара —
А может, снег. Не разобрать с утра.

Субботний полдень в Форштадте

Солнце бредит тепловым угаром белого света.

В зимний полдень крыши старых домишек

окрашены белым.

Это цвет расчётливой солнечной
энергии,

вырывающейся из недр милого белого шара,

энергии,

летающей сквозь консервированную черноту,

энергии,

взрезающей голубое покрывало Земли —

атмосферу.

Бабушки греют старые кости у печек.

Мужики, не ставшие казаками, пьют самогон

цвета солнечной энергии

«для аппетита» —

пока женщины накрывают на стол:

щи со свиной, хлеб за 13 копеек, блины и чай

с конфетами «дунькина радость»,

слипшимися в комок.

Их дети, что постарше, возле белого палисадника

скребут по карманам в поисках завалявшейся мелочи,

чтобы скинуться с друзьями на пузырь «вермихалны».

Другие идут в кинотеатр «Урал», прихватив с собой
девушек и семечек.

Малышня укатывает задами ледяные горки,
протирая штаны и пальто,
разбивая носы,
простужаясь.

Вечером солнце чуть слышно гудит,
опускаясь на крыши.

В нём открывается маленький люк,
зелёный человечек топчется на срезе,
щурится, озирая переулки и дымящиеся трубы,
сплёвывает на снег, задраивает люк.

Солнце поплыло дальше, цепляя крыши.

Никто ничего не увидел,
потому что никто не поднимал головы

в эти несколько секунд.

Да и что увидишь, глядя на солнце?

Разве что слёзы в собственных глазах.

На озере

Осколок зеркала лежит в густой траве,
Он в полдень отражает бездну неба
И облака, и солнца щедрый свет,
А в полночь — мирозданья быль и небыль.

Во тьме над непокрытой головой
Кулик свою испытывает флейту,
В неё два раза гукнет и долой —
Летит навстречу завтрашнему лету.

Все стихло. Каждый зверь в своём доме.
Шаги слышны далёко в перелеске.
А лодка на ночь отдана тому,
Кто равнодушен к поплавку и леске.

Плыву — и две морщины за спиной.
Неужто зеркало во тьме мне корчит рожи?
Нет, это, брат, улыбка, и со мной
Улыбкой этой мирозданье схоже.

* * *

Ивану Юлаеву

Вновь вопросы:
Зря? Не зря?
А как будто:
Был? Иль не был?
Ты, в себя устало зря,
Спрашиваешь город, небо,
Речку, облако, холмы —
Жизни первые вершины:
Для чего явились мы —
Неужели беспричинно?
Дышит город, речка спит,
По холмам, как холод
ночи,
Тень от облака скользит.
Отвечать никто не хочет.

Тыл

А на войне отца в тот день убили,
Перечеркнула кровь седой висок...
Его мальчишки ёршиков удили
И складывали рыбу на песок.

Его жена весь день топила баню,
Покуда выпал редкий выходной,
Чтоб вымыть пацанов и бабу Таню,
А после всласть попариться одной.

И лишь на миг, подняв немой рукою
Ведро, в котором прыгала вода,
Она вдруг замерла, поняв с тоскою,
Что завершилось все и навсегда.

1946-й

Ну фронтовик! И, значит, можно мне
Слегка винца употребить!
Да ввечеру братан-сапожник мой
Уснул. И как мне дальше быть?..

Товарищ мой во сне, встревоженный,
Всё смотрит про войну кино.
А я — на сундуке скукоженный,
Домой ползти пора давно.

А дома ничего хорошего!
Там злая жинка закричит,
И дети, воем огорошены,
Заплачут, коли ты речист.

А я речист! Скажу я многое:
Про то, кому кто жизнь сгубил,
Что я, хоть пьяное безногое,
Зато Отчизну защитил!

А ты-то, курва, с кем тут путалась,
Пока я кровь мешками лил?!

Ты в оренбургску шаль укуталась,
А кто тебе её дарил?!

Жена заплачет, затрясётся вся!
Её я ноги обниму,
Скажу: «Ничё, прости ты в сотый раз,
Мы главно — кончили войну».

Чилига

Холода отступают. К маю
Выйдешь в степь — расцветает всё.
Одного я не понимаю —
Для кого чилижник цветёт?

Эта маленькая акация,
Что на веники режет народ,
Словно непокорённая нация,
Тоже соки пускает в ход.

Ни особой красы, ни грации,
Стебли жилистые пучком.
Но степная цветет акация,
И пред нею упасть ничком

И молиться явлению Божьему
В этом неукротимом цвету
Я хочу. И не стыдно прохожему
Поклониться родному кусту.

На метёлки порежь меня, Господи,
Повяжи крепкой волей, Творец,
Только дай у степного погоста мне
Цвесь упрямой чилигой твоей.

Всё, что делает природа

Песенка в духе 1960-х

Майским днём иду один переулком,
Где цветет рябина царской особой.
Всё, что делает природа, — наука,
На такое человек не способен.

Тут подъехали с пилой два урода,
Обкорнали карагач у порога.
Всё, что делает природа, — угодно,
Но бывает человек бесприроден.

Карагач ветвями мёртвыми, воя,
За рябину всё цеплялся напрасно.
Всё, что делает природа, — прекрасно,
Ну а то, что человек, — лишь порою.

Мы с тобою напилили такое!..
А теперь бездумно лучшее губим.
Подарила нам природа святое,
Ну а то, что было после, — забудем.

Только я, что карагач за рябину,
Всё цепляюсь за былую богиню.
Мне зачем природа с памятью длинной,
Раз не жить карагачу без рябины?

АЛЕКСЕЙ ХАЛЬЗУНОВ

Белая церковка

Белая церковка на берегу,
словно тропинка заветная к Богу,
есть на планете...

Вот только дорогу
к ней я никак отыскать не могу.

Крест заблудился в седых облаках,
ветер под сводами плачет и стонет.
Белая церковка медленно тонет
чистым фрегатом в январских снегах.

Надо бы... Надо бы жить не спеша,
всё рассчитать и вокруг оглядеться.
Белая церковка — это душа,
а от неё никуда мне не деться.

Дни пролетают и тают над ней,
лишь купола сохранили сиянье.
Белая церковка — с детством свиданье.
Вечная тяга к тому, что родней.

В узком окошке неба клочок.
Белая церковка боль успокоит.

В ней мне однажды, весь в чёрном, дьячок
тёплой ладонью глаза вдруг прикроет.

Я позабуду сомненья и страх
и понесусь над землей невесомо,
чтобы увидеть, оглохнув от стога,
белую церковку... Крест в облаках...

* * *

Е.М.

Знаешь, девочка, только в бреду,
да и то через тысячи верст,
я бы смог разглядеть,
где сплетаются тени вселенских дорог.
От Москвы до Урала
судьбой переброшенный мост
познакомил с ночным Оренбургом
ночной Таганрог.

Веришь, девочка, мне на предел,
напоследок, на край,
на мою бесполезную веру
в реальности сна
не оставит на выигрыш шанса,
как ты ни играй,
пред моею провинцией
ваша глухая Москва.

Слушай, девочка, я не ушёл
и пока не уйду,

что б мне вслед ни кричали —
мол, Бог вот, а вот, мол, порог.
Не случайно Всевышний
на радость мою и беду
познакомил с ночным Оренбургом
ночной Таганрог...

Странный сон о Гражданской войне

Пронесётся в синеве небесный всадник,
но не сможет зацепить земли копытом.
Помню крашенный цветочный палисадник,
под которым я лежал в пыли убитым.

И вздыхали надо мною две еврейки,
что не знали в Оренбурге о погромах.
Это было в тёмных улицах Сырейки,
где роса слезой блестела на погонах.

Я лежал в пыли и знал, что дело — крышка,
что с судьбою не сыграть мне больше в жмурки,
что стрелял в меня ремесленник-мальчишка
с алым бантиком на кожаной тужурке.

Не был красным я и белым тоже не был,
на маёвках не точил напрасно ляды.
Кто же знал, что под яицким синим небом
станут прокляты казачьи лампы?

Тех, кто смог спастись, потом настигла «вышка»,
а потом других — за прочими, за следом.
Знаю только, что ремесленник-мальчишка
оказаться мог вполне моим же дедом...

Провинция

Я — провинция,
да жаль — не провидица.
От столицы отдалюсь —
не обидится.
Ей плевать на моё рыло
кондовое,
всё, что было между нами, —
не новое.

Я — провинция,
всему очевидица.
Остограммлюсь,
и во сне мне привидится,
как по телу моему
катят танками,
как стою в очередях
за буханкою.

А вокруг —
лишь господа и патриции!
Им ли дело до меня —
до провинции?
Но когда придёт беда
чёрным облаком,

не столица — я тогда
гряну в Колокол!

Я — провинция,
оборванная, в рубище.
Я — повинная
и в прошлом, и в будущем
за Россию,
что летит в вечность птицею,
за судьбу свою лихую
слыть провинцией.

АЛЕКСАНДР АВЕРЬЯНОВ

Оренбург

Город на семи ветрах,
словно на семи крылах,—
он весной стоит в сирени,
а зимой в снегах.

В небесах орёл кружит,
отчий край наш сторожит,
отнесёт привет Европе,
в Азию спешит.

Купол храма и мечеть
сердцу не мешают петь,
крепко жать друг другу руки
и в глаза глядеть.

Хоть и пуля не свистит,
но орлиный глаз не спит.
И звенит казачья песня,
и клинок блестит!

С нашей взлётной полосы
в космос вознеслись мечты.

От Форштадта до созвездий
пролегли мосты.

Город стал моей звездой,
город стал моей судьбой!
Оренбург, да будет вечным
солнце над тобой!

Сиреневый город

Здравствуй, сиреневый город над быстрой рекой!
Здравствуй, Беловка! Привет, Зауральная роща!
Слаще нет чувства, чем счастье вернуться домой
и — замереть, увидав Привокзальную площадь.

Оренбург, Оренбург,
ты — мой брат, ты — мой друг!
Колыбель твоя —
Роза ветров.
От Беловки вдоль берега
и до Дубков
кроме «ах!»
не отыщется слов.

Здравствуйте, дерзкий Шанхай и Степной продувной!
Пыльная Ренда, салют! А Форштадту — почтенье!
Слаще нет чувства, чем счастье вернуться домой
и — по Советской пройти, не скрывая волнение.

Оренбург, Оренбург,
ты — мой друг, ты — мой брат!
Твое имя
езде на устах.
Как и два с половиной
века назад,
ты сиреневой
вьюгой пропах.

Беловка

По проспектам Оренбурга
я лечу, как Сивка-Бурка.
Боже мой, я нынче сам не свой!
Здесь прошло золотое лето,
мною оно сто раз отпето,
но и нынче каждый день живой.

От вокзала до Урала
мною исхожено немало
и немало сожжено мостов.
Снова вышла остановка,
я пришел к тебе, Беловка, —
будь же славен, гражданин Белов!

Ах, Беловка, ох, Беловка! —
ты — принцесса и плутовка,
мы с тобой не виделись давно!
Здесь всё та же обстановка,
Только есть одна обновка —
мост над речкой белый, как в кино.

Ах, Беловка, ох, Беловка,
здесь, как встарь, идёт тусовка,

девушки — от каждой упадёшь!
В их глазах упал я низко,
ведь они все в стиле диско,
а я забыл ушить свой старый клеш.

Вот стоит Валерий Палыч —
но не друг мой, а Чкалов,
загрустил на каменном посту.
Хватит вам грустить, Валера,
прогуляйтесь для примера
с дамою по белому мосту.

Ренда

На Чулочном переулке — пыль.
Я вдоль Ренды свой направил киль.
От Овчинки до Дзержинки
знают всё мои ботинки
и пройдут повсюду без запинки.

Ренда, ты — моей судьбы сюжет.
Ренда — пыльной лебеды букет.
На столе ромашки в вазе,
щи кипят на керогазе,
мальчишки хотят пробиться в князи.

Для меня ни дня нет без огня —
Ренда, Ренда, пожалей меня!
Помнишь выстрел пистолета —
и упала сигарета?!
Ренда, не прощу тебя за это!

Вновь весна, и я волнуюсь вновь.
Крикну — «Ренда!», слышится — «Любовь!».
Поезда, звезда, разлука,
за шлагбаумом подруга,
сладкая навеки сердцу мука!

Я вчера с соседом говорил —
с виду он почти Муса Джалиль.
У мечети в лунном свете
он одобрил строчки эти —
так что оба мы теперь в ответе.

На Чулочном переулке — пыль.
Я вдоль Ренды свой направил киль.
От Овчинки до Дзержинки
знают всё мои ботинки
и пройдут повсюду без запинки.

Форштадт

На Форштадте ветер песенки поёт.
Над Форштадтом белый-белый самолёт.
Этот сарафанчик очень вам идёт,
А ещё идет вам тот, кто вас ведёт.

Алый-алый бантик, карие глаза.
Этот лейтенантик что-то вам сказал.
То ли вы смеётесь, то ль ручей звенит,
Мчится самолётик в золотой зенит.

Розы и стрекозы, замуж невтерпёж.
На погонах звёзды — всё не перечтёшь!
В небе самолётик пишет букву «л»,
Молодой пилотик сыплет белый мел.

На краю Форштадта — речки полоса.
В сердце лейтенанта — карие глаза.
Хороша погода, дремлют караси.
Жаль, что я погоны сроду не носил.

В парке «Тополя»

Эти танцы под луною
в парке «Тополя»...
Мы летим, летим с тобою,
вертится Земля.
Мы летим с тобой по кругу,
пух закручивает вьюгу,
вальс гремит на всю округу
в парке «Тополя».
Каждый вечер, каждый вечер —
только с ноты «ля».
Танцплощадка — это нечто
вроде корабля.
Мы плывём, плывём по кругу,
пух летит на всю округу.
Ты прекрасна! Слава пуху
в парке «Тополя!»
Между вальсами и танго,
звёздами пыля,
юность убежала тайно
в лунные поля.
Я давно в пурге вращаюсь,
но с любовью не прощаюсь,

где бы ни был, возвращаюсь
снова в «Тополя».
Жизнь — она такая штука:
не начать с нуля.
Встретим как-нибудь друг друга,
сходим в «Тополя».
Я возьму тебя за руку,
мы пойдём с тобой по кругу,
вдоль аллеи, через вьюгу
в парке «Тополя».
Эта вьюга, вьюга, вьюга —
белое крыло.
То ли с севера, то ль с юга
снова намело.
Вечером окно открою,
пух со щёк смахну рукою...
Вальс гремит над головою,
в «Тополях» бело.

Столица мира

Город мой — столица мира,
перекрёсток всех дорог.
И дрожит моя квартира
от его колёс и ног.
Мы уйдём с тобою в рощу
за широкою рекой,
где вода огни полощет,
где упрятался покой —

Там
в небе бродит месяц молодой,
он идёт под ручку со звездой,
а по роще бродим мы с тобой
да ветерок-задира.
Ах, какая нежная рука!
Ах, какая дивная река!
Город мой шумит издалека —
как столица мира!

Над рекою бьют куранты,
отмеряя ночку нам.
Вдоль по роще и обратно
звон идёт по деревьям.

И забьётся сердце часто,
если вдруг над головой
соловьём зальётся счастье,
ухнет горюшко совой —

Но
в небе бродит месяц молодой,
он идёт под ручку со звездой,
а по роще бродим мы с тобой
да ветерок-задира.
Ах, какая нежная рука!
Ах, какая дивная река!
Город мой красив издалека —
как столица мира!

Куранты

Бьют куранты над рекой,
Спит хмельное лето.
И деревья, и цветы
отошли ко сну.
У подножия раки
В гуще тьмы и света
Разбивает рыба-ки
Вдребезги луну.

Улетают высоко
Голубые брызги,
Освещая Млечный Путь
И речную гладь.
Две дороги предо мной —
Две реки, две жизни:
На земле и в небесах.
Третьей не видать.

Полуночный звон плывёт
Далеко-далече.
И хрустальный звук в траве
тает без следа.

А мне кажется, что я
Был и буду вечно —
Как трава по берегам,
как в реке вода.

Течёт река

Звенит коса
над изумрудным лугом,
и голоса
из прошлого зовут.
Я здесь любил,
здесь песни пел я с другом.
Всё это было — травы не соврут.

Звенит коса, травой года ложатся.
И вот уже почти что чист лужок.
Течёт река, ей суждено остаться,
ей срока нет, а нам отмерен срок.

Вот и кукушка вновь закуковала,
Беде и счастью не теряя счёт.
Течёт река, что названа Уралом,
и слава Богу, что она течёт.

Когда свершу свой круг на белом свете,
когда тоска окажется права,
я упаду в слезах на травы эти
и прошепчу прощальные слова.

Мои слова услышит только птица,
крестом высоким взмлет над рекой.
И я увижу, как душа стремится
под крылья этой птицы молодой.

Звенит коса
над изумрудным лугом,
и голоса
из прошлого зовут.
Я здесь любил,
здесь песни пел я с другом.
Всё это было — травы не соврут.

ПАВЕЛ РЫКОВ

* * *

Александру Прохоренко

В жизни случается всякое; выпадает денёк,
Когда благодаришь Создателя за то, что Он уберёт.

Беду отвёл от тебя, а тебя от беды.
И ты ужасаешься, оценивши слоновьи её следы,

И радуешься до дрожи, до слабости в сильных руках
Тому, что оставлен жить и не повержен во прах,

Когда свет в очах твоих навек не померк,
И осознаёшь: Господь тебя не отверг.

Но случается и нечто высшее, чему имени нет,
Когда пред самим собою ты должен держать ответ.

Когда, свою жизнь всего сильнее на свете любя,
Ты должен её отдать, потому что Смерть
окужила тебя.

И ты говоришь: «Сейчас я умру.
И деревня моя Городки не разбудит уже никогда поутру,

И меня петушьим пением и духом свеженадоенного
молока»...

Он включил рацию, и из невообразимого далека,

Считай, из Бессмертия, из неумолимого небытия
Скомандовал братьям: «Вызываю огонь на себя».

Есть русская деревушка в обрамлении хлебных полей
ЗОЛОТЫХ.

Там тебя помнят, там голос твой не затих.

Там русские мальчики, словно молитву твердя,
За тобой повторяют: «Вызываю огонь на себя!»

Ах ты, степь моя...

Ах ты, степь моя, моя матушка!
Степь родимая оренбургская.
Степь былинная, степь обильная,
Степь раздольная, воля вольная.

От Уральских гор широко легла.
Вдоль Урал-реки пораскинулась.
Не охватит взор ковыли твои,
Ковыли твои всё шелкóвые.

В небе славят тебя жаворóночки,
Колокольцами заливаются.
Как невеста ты изукрашена,
Расцвела по весне тюльпанами.

Не измерить ширь золотых полей.
Нива славная хлебородная.
Как же нам не любить тебя,
Раскрасавица да кормилица?

Ах ты, степь моя, моя матушка!
Степь родимая оренбургская,
Степь былинная, степь обильная,
Степь раздольная, воля вольная.

Григорьевич

В фанерной будочке один,
Как римский бюст без пьедестала,
Григорьевич — господин
Всей драной обуви квартала.

Его под Вязьмой враг крошил,
Его под Брянском «Тигр» утюжил,
А он махорочку курил,
Крыл матерком да тем и сдюжил.

Но распроклятые враги
Солдатское терзали тело,
И миной — напроць две ноги
По самое по это дело.

Но что повыше, то при нём.
Хирург пришил, и всё в порядке:
— А хрен вам, суки! Проживём,
Меха потянем на трёхрядке.

А жить, так жить, и — в мастера;
Толкая землю в две толкушки,

Он на каталочке с утра
Торопится в свою избушку.

Там «лапа», гвозди, молоток.
Там дратва, вар, там пахнет кожей.
Вот поколдует он чуток
И горю горькому поможет.

Набьёт набойку на каблук,
Прихватит дратвою подмётку.
Гвоздочки в губы — тук да тук.
На этот стук несут работку.

— Григорий, слышь, немоготу!
— Григорьеваныч, сделай латку!
И он спасает босоту —
Седую вдовую солдатку.

Ах, Русь! По снегу и в пыли...
А сколько грязи измеси́ла!
Освободила пол-Земли,
Обувку только всю сноси́ла!

А вечером, хватив винца,
Пред тем, как закрываться на ночь,
Американца-подлеца
Григорьеваныч кроет напрочь.

Он говорит, что, коли так,
Когда они такие гады,

Так он готов. Он хоть под танк!
За Родину — не за награду.

Когда бы Конев приказал,
Когда бы Сталин дал отмашку,
Он до Парижа б дошагал,
А может, даже до Ла-Манша!

Но тут за ним приходит мать
И тихонько зовет: «Гришаня,
Поехали, сыночек, спать».
— Давай, вези меня, маманя...

Пришли иные времена,
Фанерной будочки не стало.
В глазах начальственных она
Не украшала вид квартала.

Куда как лучше был плакат:
На нём поверх людей куда-то
Бессонный устремляет взгляд
Генералиссимус усатый.

Дворовое пение

Когда заканчивалась всяческая суета сует, ужин сварен и съеден, летними бархатными вечерами истерзанные сердца пронизывал горный свет.

Женщины сходились во дворе и пели светлыми голосами. Куда только девалась бабья дневная вражда, вдовьи печали, у хлебной лавки за буханкой хлеба стоянье! Шурка затягивала, и вторили ей тогда все, кому хватало желания, голоса и дыханья. Время бестелевизионное, хотя патефоны звучали.

Но женщины пели... Как они пели — словами не передать: печаловались, изнывали, надеялись, ликovali. Мужики даже и не пытались в песню вступить.

Только девчущечки-душечки тонюсенько им подпевали. Пели не парадное, не славили в песнях Вождя. И о победоносных походах не голосили. Звуки этих песен подобны струям дождя, о котором истосковалась иссушенная горем Душа России.

А когда наступала пора отходить ко сну, вспоминали не вернувшихся: отца, мужа, сына... И напоследок затягивали всегда только одну:

«ЧТО СТОИШЬ, КАЧАЯСЬ, ТОНКАЯ РЯБИНА?»

Керосин в 1956 году

Мингалей — керосиновый идол
В низкосводчатой лавке своей.
— Мингалей, керосина налей!
— Керосина нащальник не выдал.
— Что же делать, скажи, Мингалей?

Керосиновый запах эпохи...
Нет, не плохи дела. Нет, отнюдь!
Разве громки плакаты чуть-чуть
Да излишне застенчивы вздохи.
Но зачем нам печали, коль грудь
Омедалена и осиянна.
Впрочем, Культу приходят кранты,
Но свобода всего лишь желанна,
Только чуть поослабли винты
На родной и привычной колодке.
В магазинах из крабов стена,
Сахар кончился, нету пшена.
Но пока что достаточно водки
И для женщин — из яблок вина.
Правда, мне о вине ещё слишком.
Мне забота — купить керосин.

И бегу я под горку вприпрыжку
В керосиновый наш магазин.
— Мингале́й, керосину налей!
У меня есть на то пять рублей.
А не то керогаз занедужит,
Керосинка не сможет согреть
Суп в кастрюле. И примус затушит
И картошку не сварит на ужин...
Нет, такой поворот нам не нужен.
Без горячего — язва и смерть!
Мингале́й отвечает не сразу:

— Не везет керосин нефтебаза.
Вот те здасьте! Куда его дели?

Неужели весь день у дверей
Нам терпеть в ожидании цели?..
— Мингале́й, керосину налей!
Но снимает халат Мингале́й,
Тюбетейку на лоб надвигает,
Деревянной ногою своей
Он тихонечко к дому шагает.
Керосиновый идол, сквалыга!..

Дома стол и старинная книга,
И пружиной поющих диван.
Мингале́й раскрывает Коран:
«О Всемилостивый и Милосердный...»

Где теперь ты, читатель усердный,
Может быть, уже в райских садах?

Там, где птицы и вечное лето...
Кто нам правду расскажет про это?
Кто нам это опишет в стихах?

А над домом, где жил Мингалей,
Над его керосиновым раем,
Каждый день в колыбели своей
Пролетал, небеса разрывая,
На своем реактивном пути
Юный летчик, ребёнок почти,
Керосин драгоценный сжигая.

И никто в городочке степном
Сметь не смел и подумать о том,
Что пилот этот, простенький парень,
Очень скоро в свой главный полёт
Всю планету с собою возьмет
И мы выучим имя — Гагарин.

* * *

Мусе Джалилю

Когда заступников не счесть,
А Родина одна,
Тогда, мой друг, немало есть,
Кто пить готов до дна.

Допить — и вдребезги стакан,
И песню голосить,
Про то, что сгинет басурман,
А с ним и волчья сыть.

Но если Родина одна
И ты один, один,
Тогда какая глубина
У гибельных глубин?

Всё глубже, глубже — и не всплыть,
И не нащупать дна.
И скачет, скачет волчья сыть,
Безжалостно темна.

Пойми, поверь, себя проверь,
Не обманись, мой друг;

Из мрака скачет этот зверь,
Не знающий подпруг.

И где уздечку подобрать,
Чтобы на всём скаку
Свой смертный страх в себе взнуздать,
Чтобы назло врагу

Взглянуть без страха, не таясь,
У жизни на краю:
— Да, эта Родина — моя.
И пусть меня убьют.

Сталинградец

Мыколка Осовитный — сын полка.
Он рос, но не дорос до потолка.
Зато он до войны вполне дорос.
До тех деньков, где места нет для слёз
И места нет для жалости к себе.
Где жизнь и смерть доверены судьбе.
Одет по форме, в сапоги обут,
Есть котелок, и ложка тоже тут,
И сахар выдан вместо табака:
— Тебе, сынок, смолить нельзя пока!
А вокруг него грохочет Сталинград.
И что в сравненье с этим местом ад?
Он так и жил, с опасностью сродняясь.
Тут комполка: «Где, в бога душу, связь?»
Когда команда, что тут клясть судьбу?!
И мальчуган с катушкой на горбу
Под навесным, прицельным и шальным
Пополз туда, где взрывы, там, где дым.
Туда, где взрывом рвутся провода,
Туда, где, может быть, помилует беда...
Остановиться? Поползти назад?
Спасти себя? Но это Сталинград!

Пополз вперёд и из последних сил
Порыв нашёл и связь восстановил...

Он чудом выжил, маленький хохол,
И, вырастая, по войне прошёл,
По шляху жизни. Шлях тот торным был.
Он старым стал. Он многое забыл.
И этот шлях, и давние года,
И как вскипала волжская вода.
Лишь слышится ему бессонной ночью,
Как мама напевала иногда:
— Тече річенька-невеличенька. Схочу — перескочу...

Оренбургский вальс

Помнишь вечер весенний, Урал полноводный и лодку?
Руку я протянул, и ты руку свою подала.
А над нами блистала ночными огнями Беловка,
Зауральная роща в воде отраженьем плыла.

Зауральная роща! Зауральная роща!
Там черёмухи в кипенно-белой фате.
Там Урал вечерами багряные зори полощет
В торопливой, бурливой, привольно бегущей воде.

Белый мост над рекою. Уральского берега круча,
Здесь до неба так просто — поверь мне — рукою достать!
Говорят, на земле есть края живописней и лучше.
Но одна на земле оренбургских небес благодать.

Сколько лет пролетело, но ты, как и прежде, со мною.
И светлы небеса, и плывут по волнам облака.
Не грусти, что аллея усыпана жёлтой листвою.
Роща наша жива, и струит свои воды река.

Виолончель и Слава

Памяти М. Ростроповича

Городок тыловой замечает метель,
И война городок замечает.
А парнишка, настроивая виолончель,
Перед киносансом играет.

А игру его слушает разный народ —
Так приманчиво струн трепетанье.
В вестибюле нетопленном веет парок
Изо ртов от людского дыханья.

Вальс играют. Держите покрепче меня —
Тётки в ватниках, валенках, шубах,
Инвалид-морячок, офицеры в ремнях —
Никакого ненужного шума.

Только музыка! Как милосердна она!
Сколь бы ветры по-волчьи ни выли,
Штраус дивный звучит. Отступает война,
И как будто бы мы победили.

И как будто тепло, и пахнуло весной,
Не по карточкам хлеб покупают.

И сирень зацвела, и салют над Москвой,
Словно в небо букеты взмывают.

Мальчик Слава играет. Бушует метель.
Ах, как злобится, как завывает!
Перед киносеансами виолончель
В тыловом городочке играет.

Пушкин у Татищевой крепости

— Эй, барин, слазь. Конец дороги дальней.
Он слез с возка. Шагнул вперёд, и вдруг:
Крутой обрыв, изгиб реки опальной
Казачьей саблей, выпавшей из рук.

В отместку перекрещена царицей,
Река Урал, движения полна.
И пережат на солнце серебрится,
Как на клинке дамасском письма.

Рука крепка, что тот клинок вздымала.
И столь ужасен был её замах,
Что от испуга в царскосельских залах
Дрожали отраженья в зеркалах.

И сабель звон, и конский топ по полю,
И пушек гул — умолкло всё давно...
Здесь захмелевшая от крови воля
Испила поражения вино.

А ныне — тишь. Лишь в поднебесной сини
Над золотым раздольем сентября

Орёл навис — Державы грозный символ,
Недвижимо и царственно паря.

И тень орла, зловеща и крылата,
Накрыла степь, и тьмой взялась река...
«Нет, — думал он. — Нет! Никакая плата
Не будет за свободу велика».

О ней, заветной и такой желанной,
Из ночи в ночь томит давнишний сон
И крепость эту с тыном деревянным,
И над Невой гранитный бастион.

И, поклонясь пролитой крови братской,
Перекрестившись, помянул без слов
Друзей заветных с площади Сенатской
И в эту степь polegших мужиков.

Торопит путь. Как кони рвут уздечки!
Жизнь коротка. Не тем ли дорога?..
Всё ближе час, когда у Чёрной речки
Шагнёт Поэт на выстрелы врага.

Степаныч

Оконные ставни затворены на ночь.
Станица уснёт, на работе намаявшись днём.
Ах, Виктор Степаныч! Ах, Виктор Степаныч!
Давай мы любимую песнь заведём:
О том, как рождалась казачья слава,
А с хлебом обозы тянулись с бескрайних полей.
Про буйные ветры, душистые травы.
О маме, крестившей в дорогу своих сыновей

Ты жил, словно пел — от работы не бегал.
Ты жил для людей, не для славы и не напоказ.
Но женщины в русских селеньях — за дело —
Тебя поминают добром за пылающий газ.
А время такое однажды настало,
Когда у других не хватало ни воли, ни сил,
Ты русскую землю, которая, было, пропала,
Себе на казацкие крепкие плечи взвалил.

Как хочется жить и дожить до рассвета,
Увидеть на небе ночном первый отблеск зари.
Поют соловьи, начинается лето.
Гармонь, о любви говори, говори, говори!..

Оконные ставни затворены на ночь.
Станица уснула, и только гармонь всё поёт.
Ах, Виктор Степаныч! Ах, Виктор Степаныч!
Навечно душа твоя в песне заветной живёт.

Хлебный дух

Как пахло от хлебозавода,
Какой нестерпимый соблазн
Идущему мимо народу
По разным народным делам!

Но наперво — в хлебную лавку.
И в очередь — вдруг подвезут?
— Буханочка! — Скажешь — и сладко!
И к «Хлебному» ноги несут.

По карточкам хлеб и в нарезку:
Внимательно очи глядят.
И рады горбушке-довеску,
И слюни во рту закипят.

Война отошла, отревела.
Не все, но вернулись домой
Солдаты. И требует тело
По норме паёк фронтовой.

Начпрод пусть приварок отмерит.
Но только где этот начпрод?

А карточки скоро отменят.
Готовьтесь, разинувши рот.

По прописям слово признанья
Вождю заталдычит народ...
Пока же с утра обонянье
И душу рвёт хлебозавод.

Яицкая скоморошина

У Яика-батюшки
Борода седа.
У него, у старого,
Разбелым-бела.
Разбелым-бела расстиляется,
В кольца-кольчики завивается.
Уж как первое кольцо — глыбким ериком.
А второе кольцо — перекатами.
А как третье кольцо всё по стреженю,
Всё по стреженю, по тугой воде.
А метелица те кольца поглаживает,
Перекаты ворожкой вывораживает:
— Отдыхай ты, свет Яик-батюшка.
Чай, намаялся за лето, наработался!
И уснул Яик, словно мёртвым сном.
Не очнуться старому, не опомниться.

Только
Батюшку, да старенького,
Бес в ребро.
Напустился на него с бесенятами,
Бесеняточками-перебесочками,
Ребятёночками охальными.

Они, скок-поскок,
Поскакивают.
Они, журк да журк,
Пожуркивают.
Они, шалые, с проталинок,
Они в бороду запутываются,
Во белы пряди вплетаются,
Они, ласковые, ластятся:
— Ты послушай, дедуленька, сказочку
Да охальную, слышь-ко, побасочку.
А мы вместе с тобой похихикаем
Да залиvisto вместях расхохочемся.
То-то славный будет смех
Да веселие.

И встал Яик,
Да пошёл Яик,
Загулял во хмелю, закуражился!
— А моя борода во степи широка —
Раскудрит твою кудря кудреватая.
Уж как бороду свою во талах расчешу,
Перекатными песками повыполощу.
А дорога удалому мне повсюду торна,
А пути мне нигде не заказаны.
Как ударю в яр — ходором земля,
Заверну во степь — до небес вода.
Коль задену — по брёвнышку казачий умёт,
Вверх тормашками мосты кувыркаются.

Так гулять мне вольному до Сакмары-реки,
До Сакмары-реки, до студёной воды,

До Сакмарушки, до сударушки.
А как встретимся мы с ней —
Эх! Обнимемся.
А обнявшись — расцелуемся.
Так бежать нам с ней до хвалынских вод,
Обнимаючись да цалуясь.
А вослед нам будут вётлы ветвями качать,
А грачи на вётлах криком кричать,
А талы береговые подрагивать,
А осётры во струях похаживать,
А трава по берегу зеленым-зелена...
Слава тебе, Яик-батюшка!
Слава тебе, весна!

ВЛАДИМИР ШАДРИН

* * *

Здесь край России. Пост её земли.
Её граница по реке Уралу.
Опять кричат над Орью журавли
О том, что время осени настало.
И так, перекликаясь на лету,
Степные были понесут по свету...
Я полюбил, Урал, тебя за эту
Суровую земную красоту,
Что, наполняя золотом листву,
Перегорает красною калиной.
И поднебесный голос журавлиный
Мне говорит о том, что я живу!

* * *

Пресёкся дождь, и в перемене резкой
На землю синь морозная легла.
И, индевея, храм Преображенский
Кресты зари вознёс на купола.
И, засветившись, распахнула ало
Передо мной земная красота
Упорный ход сурового Урала,
Предзимний вид Уральского хребта.
И свет покоя на курганах стылых,
Назначенных минувшее хранить,
На облаках, для созерцанья милых,
На куполах, селениях, могилах —
На всем, что я умом постичь не в силах
И от души не в силах отстранить.

Глушь

Какая глушь! Предзимнюю тревогу
Скрипуче ворон выдал и умолк.
А человек высматривал дорогу,
И пёс на глушь прищурился, как волк.
Река зеркал ещё не погасила,
От холодов прозрачная до дна.
И стало ясно, что не в буйстве сила,
А вот в такой суровости она,
Где пёс, как тень, бежит за человеком
Через необозримые места.
И равнодушно потянуло снегом
Со стороны Уральского хребта.
Как незнакомо! Неисповедимо.
Лишь ты да глушь, да между вами Бог.
И пёс почуял легкий запах дыма,
И ткнулся носом путнику в сапог.

* * *

Среди полей, среди больших,
Среди дорог метельных, долгих,
Я, словно лист, кружил, кружил
И вот остался без дороги.
И вот полмира замело,
И сквозь заносы манят, манят
Собачий лай, огни, село,
Изба в трескучей глухомани,
Где дух жилья, где теплота,
Где быт суров, и прост, и весок.
Где женский смех и взгляд кота
Из-под тяжёлых занавесок.
Где детство чуткое моё
В метели ловит снова, снова
Мотивы странного её
Глухого голоса печного.
И я иду в который раз
На этот голос, этот древний,
Путём огней, страстей и глаз,
Путем предчувствий и прозрений,
Где буен мир, и мглист, и чист,
И занесён наполовину.
А снежный вал, как лист, как лист,
Несёт меня через равнину.

Метель

Всюду ветер и снег, а пути больше нет.
Этот воющий край мне совсем не знаком,
Но сквозь танец метели, похожий на бред,
Вдруг сверкнул огонёк и пахнуло дымком.
Не гони со двора — я совсем не здоров,
Дай, хозяйка, приют, дай тепла и постель,
Мои силы, как пепел остывших костров,
По холодным снегам разметала метель.
И когда отдохну и окрепну едва,
Я уйду, не забыв ни тепла, ни добра.
А теперь я усну, и метель, как сова,
Заметая следы, закричит у двора.
Закричит, запоёт на особенный лад,
И, растратив тоску, вдруг затихнет она.
И, собрав на груди васильковый халат,
Будет долго хозяйка стоять у окна.

* * *

Как хорошо в уральском городке
Гулять с собакою на поводке,
Чтоб принимать настой воздушных ванн
И представляться всем: Шатобриан!
Чтоб говорить, как славно я живу,
Ударом трости поддевать листву.
Чтоб всех, с кем я приятельски знаком,
Встречал мой пёс сценическим баском.
Опять буза в Каире, говорят.
Опять руины в Сирии горят.
Сильней, чем прежде, Запад и Восток
Хотят друг друга взять на поводок.
Чтобы с дворнягою на поводке
Подумал я в уральском городке:
«Сей мир быстрее катится во тьму,
Когда ему поэты ни к чему».

Под берёзой

И не то чтоб устал — попросила, похоже, душа
Перестать беспокоиться и без нужды суетиться.
Просто так посидеть и послушать, как тенькает птица,
Вот под этой берёзой, совсем никуда не спеша.
Сколько было таких неприметных берёз на пути?
Скольких радостных птиц в суете не расслышал я, либо
Даже близким сказать забывал зачастую спасибо!
Иль, к примеру, обидев случайно, промолвить: «Прости!»,
И теперь не сказать тем из них, кто навеки ушли.
Ах, как много уже!

И в земной суете улетели,
Словно призраки жизни, мои бесконечные цели.
Но остались берёзы, певучие птицы, шмели...
Чтобы небо увидеть, не надобен блеск грозовой.
Чтобы стать человечней, не требуется манифеста.
Чтобы душу послушать, не нужно особого места.
Вот под этой берёзой такого, пожалуй, с лихвой.

* * *

Предзимний сезон. Зарядили дожди без конца.
И город ответил огнями, зонтами, шагами.
А с ними хандра проточила тропинки в сердца,
Наполнила мокрый асфальт дождевыми кругами.
Тут даже и баловень жизни нахмурится вдруг:
«Не стоит о счастье придумывать глупую сказку
Иль новую повесть с обилием бед и потуг.
На что нам чужие, когда и своих под завязку»!
Но кто-то спешит, пробираясь к жилью и теплу,
И кто-то твердит заклинанием ставшее имя.
А я наблюдаю, как смутно текут по стеклу
Штрихи и черты одиночества или предзимья.
И я оставляю хандрою захваченный дом,
Который штрихами скорее размыт, чем очерчен,
Чтоб снова спастись стихами и тяжким трудом.
Трудом и стихами. А больше спастись и нечем.

Весна на Урале

Опять в наш край пришла весна,
Опять сады стоят в цвету.
Вот снова вишня у окна
Надела белую фату.
И от весны навеселе,
Обильем солнца обогрет,
Разносит ветер по земле
Неодолимый белый цвет.

Благословенная пора!
Весь мир лучами заиграл.
В рубахе солнечной с утра
Я вышел в поле за Урал,
В весёлый край озёр и рек,
Вишнёвых зорь и светлых рос...
И вот, поживший человек,
Стою я в поле у берёз.

На каменистую грядку,
На облака над головой,
На всю земную красоту
Гляжу, как будто бы впервой.

И на грачей, и на межу,
И на Урала звонкий дол...
Позволь, берёза, положу
Свою ладонь на тонкий ствол.

Как он, безгрешный, чист и бел,
Рассветным дышит серебром,
Затем, чтоб смертный не посмел
Губить деревья топором.
Затем, чтоб верил в чудеса,
Затем, чтоб думал веселей,
Как в голубые небеса
Пускать синиц и журавлей.

Чтоб жил в душевной простоте...
А для бесхитростных сердец
И на кладбищенском кресте
Поет о радостях скворец,
О том, что смерти в мире нет,
Что луч зари и россыпь звёзд
Несут один и тот же свет
И на сады, и на погост.

Цвети, уральский уголок,
Сияй, земная красота!
Дивясь, Творец тебя облёк
В неутолимые цвета.
Так распускайся и живи
Для удивительных людей.
Пусть в каждом сердце о любви
Играет Моцарт Амадей!

Пусть озарится жизнь моя
И вновь пройдет передо мной
Густой палитрой бытия,
Веселой музыкой земной,
Где мир цветами разодет,
Где гимн счастливого скворца
О том, что жизнь и этот цвет,
И это поле — без конца!

* * *

Когда сигналият дальние зарницы
О том, что время сумерек пришло,
Так хорошо с друзьями воротиться
В холмами окружённое село,
Где образы из будущих стихов
И проза предначертанного быта;
Где высота созвездьями покрыта,
Звонящими от криков петухов,
И дух жилья...

И станет веселей
От чуда, обитающего рядом,
Где в ульях песни солнечных полей
И око полнолуния над садом.
И далеко пока что до зимы.
А в жизни ничего ещё не поздно,
И так волшеббно-вдохновенны мы!..
И пальцы Бога сыплют на холмы
Земной полынью пахнущие звёзды...

Ива

Над речным подвижным серебром,
Где невзгоды жёсткие нередки,
Кто-то равнодушным топором
Искалечил ивовые ветки.
Глядя в переливчатую тишь
Звёздами пробитого залива,
Ты о чём тихонько шелестишь,
Над водой склонившаяся ива?
И не изведённая бедой,
Не обезображенная местью,
Ты стоишь бесстрашно над водой,
Где мерцают вечность и созвездья.
Я хотел бы так же миг любой
Этой жизни — в будничность иль битву —
Жить, не убиваясь над судьбой,
А воспринимая как молитву.
Счастье, не подвластное уму,
Не пытаюсь воротить натужно.
Просто жить и верить, потому,
Что молитве большего не нужно.

ВИТАЛИЙ МОЛЧАНОВ

Табынская

Поэма

1.

До кровавого заката рвали небо пики гор.
Ветер, как шайтан из ада, разметал хвостом костёр.
Ни согреться, ни укрыться — ледяная пала мгла.
Кляч уставших вереница за кордон, в Китай, ползла.

Эх, прижать бы к сердцу паву, в степь рвануть на воронке.
Давят кряжи Алатау, кожи мокнут в казанке.
Отравили красным ядом до печёнок злую рвань.
Посолонь спуститься надо и уйти в тмутаракань.

Сквозь порубленные вёрсты, бросив кости куреней,
Множа холмики погостов бедной родины своей,
Получая пули в спину от недремлющих врагов,
Прорывалось на чужбину войско белых казаков.

«Знаю, братцы, вам не любо холостить упрямый нрав.
Коммуняк-то нынче — шуба, нас — один худой рукав.
Изничтожат в бранной сече, изведут казачий род.
Знай, крещёный человеке, мы вернёмся через год.

— С нами Бог, — промолвил Дутов, оренбургский атаман,
И воздел над кругом чудо — не подделку, не обман,
А Табынскую икону. — Божья Матерь, помоги
Казакам пройти препоны — всеу адовы круги.

2.

Неземная скрыта святость в древнем таинстве письма —
Богом явленная благость для души и для ума.
Как последнее спасенье, светоч гаснущих надежд,
Ты дарила исцеленье, серебром горя одежд.

Наклонила Приснодева ко Христу печальный лик,
Шесть слезинок — справа, слева — по щекам тугим текли.
Губы строгие поджаты: отрок близок и далёк.
Молвит взором виновато: «Муку вынесешь, сынок».

Не младенец, а Спаситель стоя крестит Божий мир,
Отступает искуситель — слабых душ людских кумир,
Вместе с ним уходят беды: немощь, злоба, мор, война.
Божьи правятся заветы, счастьем дышат времена.

От Казани до Тобола нет родней для казака —
Пережившая монгола и лечившая века,
Ненасытных вражьих сабель испытывавшая клыки,
Реки слёз — горючих капель — утирала без руки,

О Великая Икона честной вольницы степей,
Да с тобой — в огонь иль в омут, на пустынный суховой,
В глубь болот, с горы, в стремнину, на закланье и на пир!
Тут шепнул урядник сыну: «Войсковой бы нам потир...»

3.

«В Оренбурге, — писарь óкал, — в девятьсот шестом
году

Бунтовщик ватагой топал по Гапонову следú.
Потрясатели дрекольев с красной ветошью знамён
Возглашали: «Будем вольны, коль царя с престола
пнём».

Мы, мол, ратуем за стачку, за бурление Руси.
Демонстрация, горячка. Святой Господи, спаси!
Агитаторы сновали, кто в тужурке, кто в пенсне,
И листовки раздавали, сделав рожу попостней.

А навстречу — вот так диво! кто б задумал наперёд! —
Шёл с Табынской горделиво православный крестный
ход.

День-то праздничный, не будний; нёс по граду
ветерок

Песнопения, хоругви, сладкий ладанный дымок.

У Соборной повстречались две толпы лицом к лицу.
Отшатнулись, снова встали, пахло битвой на плацу.
Причт с Иконой двинул к храму — бил звонарь
в колокола,

Мимо паствы, мимо хамов Богородица плыла.

Люди пали на колени — и смешались две толпы,
В общей радости моления перекрещивались лбы:
«Потеснись-ка, места мало перед образом святым».
Агитаторов не стало — видно, не по вере им.

4.

В год семнадцатый — иначе: помахав рукой царю,
Тот, кто сызмальства батрачил, штык приладил
к винтарю.

Брат на брата, сват на кума, не жалеи — коли родню!
Против Божьего задума сокол сдался воронью.

«Этим — пашни, тем — заводы, нам — свинцовые
дожди...»

Но казак белобородый перебил его: «Пожди,
Писарчук, не ты ль кликушей записался в наш
отряд?»

Стычки сплачивают души, крепят волю у солдат.

Богородицы рожденье, помнишь, справили гурьбой?
Хора ангельское пенье было прервано стрельбой.
Голопузы-супостаты разорить хотели кош —
Задымили чадно хаты, шёл по Нежинке грабёж.

Пальцы хищные с Иконы ризу сдёрнули в момент —
В серебре её обнови и в каменьях позумент,
А голубушку швырнули непокрытую в кусты.
Ох, тогда мы красным вдули — гнали нечисть
три версты...»

...Круглоликое светило — азиатская луна,
Что с небес глядишь слезливо? Чем земным
удручена?

Скорбь в глазах застыла узких — изливается дождём.
Понимаешь не по-русски смысл казачьего «пождём».

5.

Сладок дым победы ратной, горек пораженья дым.
Морок воли перекатной с молоком едим грудным.
Опылилась чёртом завязь, народился гадкий плод:
Режьте, ешьте, нынче зависть — Красной армии оплот.

«Дам по сабле и нагану, добывайте свой калач.
Ваш сосед, Петро с Иваном, первый на селе богач.
Что с того, мол, сам ишачит, не жалеючи хребта?
Куркуля мы раскулачим, жрать попросит у Христа!

Вы ж теперь красноармейцы — на картузах по звезде!» —
Хрустнет комиссар коленцем, не приученным к езде,
Сядет с томом «Капитала» дурь жевать бородача,
Если шашки нашей мало — сгинет в лапах палача.

Дезертиры, бузотёры, саботажники, враги,
Проглядели вас филёры — полицейские шпики.
Нам бы власть иметь пожестче и царя бы посмелей —
Убежал бы красный кочет без башки за сто морей.

Скачет ветер над ущельем — бьёт копытами луну.
«С голодухи, как с похмелья, в мыслях грешных я тону,
Стал пушинкой тополиной, — писарь ветру крикнул
вдруг: —
Не трясси напрасно гривой, а снеси-ка в Оренбург...

6.

...класть поклоны в Кафедральном, доживая скорбный век,
За казачий люд опальный, за убитых и калек,

За сирот, за мать Расею, источающую кровь...
Но покинуть не посмею я Икону — здесь мой кров!

По преданьям монастырским — лет минувшим
несть числа —
Меж солёных вод табынских над тропой легла скала.
Мимо дьякон шёл Амвросий и услышал глас ли, крик,
Будто с неба кто-то просит: «Мя приять во храм, старик».

Не поддался наважденью — рукавом протёр глаза,
Огляделся со смиреньем по бокам, вперёд, назад:
«Никого... На сенокосе, видно, темя напекло».
В келью потрусил Амвросий, не сумлящийся зело.

Через пару дней, как прежде, шёл обратно — тот же глас:
«Не смыкай, диакон, вежды — мя приять во храм
сейчас!»

И вознёс он кверху очи, и увидел: на скале
Образ в лаке солнцеточит — дар божественный земле.

Мать с Младенцем — тёмны ликом, но душе
от них светлей.

О явлении великом всяк прознал: возлив елей,
Закадили, с песнопеньем водрузили на киот...
А наутро — вот знаменье! — сняли с венчика ворот!»

7.

Есаул глядит: на ране закровянились бинты.
«Вашебродье, врач не встанет, — ныл денщик
из темноты. —

Мы почти что все подранки — надорвался коновал». Эскулап нашёл портянки, сапоги надел и встал.

«Закулюкаешься с вами», — еле тащит саквояж.
«Ноет, гадина, ночами — приложил родной братьяш.
Посмотри-ка: может, смазать? Шевельнуть нельзя
плечом...»

«Эх, её карболкой сразу б, — и раствор потёк ручьём, —

Чистой корпией покрою и повязку наложу».

«Нас в отряде братьев трое — с фронта рядышком служу,
А четвёртый жил при бате под Сакмарским городком,
Но навоза не лопатил, с книжкой дружбу вёл тишком.

«Книжка книжке — рознь, конечно, — подытожил есаул, —
С красной бандой как-то местной в город парень сиганул.
Разошлись пути-дороги — вновь в Актюбинске сошлись,
Младший братка, бык безрогий, взять мою решился
жизнь».

Налетел в бою на брата и рубил, колол, щенок.

Порешить я мог бы гада, но Господь отвёл клинок.

Нашей силы, греховодник, да умишком — не в отца...»

Снял денщик седло и потник, вмиг стреножил жеребца.

8.

«В сей Иконе скрыта сила, неподвластная уму:

Только скроется светило — вон из храма, и к утру

На воротах монастырских появляется опять.

И чудес таких Табынской нам вовек не сосчитать».

Человеческие боли утоляла без числа —
Сквозь тернистые юдоли к ней толпа калек текла.
Даже нехристей убогих принимала к сердцу плач:
Не встававшие на ноги сами шли, и слеп стал зряч.

Про последний случай, помню, мне поведал
протопоп.

Учинялись часто войны, был пожар, потом потоп,
И родимая исчезла, чтобы пару лет спустя
Объявиться в том же месте неприветливым гостям.

У источников в Табынске иноверцы скот пасли
И, найдя её, по-свински всю изгваздали в пыли,
Били, матерно ругались, в древо ткнули тесаком.
Силы высшие сквитались люто с каждым дураком.

Свет померк в глазах бесстыжих — за слепым стоят
слепцы.

Крик ужасный уши выжег... Монастырские отцы
К сердцу приняли находку — лишь один пастух сумел
Умолить, срывая глотку, о прощенье и — прозрел!

9.

С той поры, став православным, за Иконой шёл
вослед...

В Оренбург когда-то странный въехал всадник —
конь был блед:

Эпидемия холеры по домам прошла кривой.
Ни последних и ни первых: дряхлый дед, внучок
босой,

Зрелый муж, младая дева — повалились как снопы.
Исправлять лихое дело были призваны попы.
Трижды с матушкой-Иконой обошли весь град вокруг:
Прекратились смерти, стоны, вытер слёзы
Оренбург», —

Писарь вымолвил устало, смяв чепрак под головой.
Кровь углей заря впитала, затуманившись золой.
Наступило на вершины утро светлым сапогом —
По вершочку, по аршину подошло, шурша песком,

И застыло, упираясь в перевал Кара-Сарык*.
«Ярка чёрная, дурная! Надевай, сынок, башлык
Да в кулак сграбастай повод — поведём по льду
коней», —
Хоть урядник и не молод, но хватистых кровей.

10.

Скарб навьючен, страх задушен, бездны каменный
котёл
Горный див, предвидя ужин, вьюжным веником подмёл.
Меж клыками смерти правый от неправых отступал:
Переходы, переправы, перестрелки, перевал.

Поскользнёшься — и погибель, зазеваешься — конец.
«Лучше быть Ионой в рыбе, чем на спинах у овец», —
Уцепился писарь ловко за свисающий карниз.
Атамана на верёвках казаки спустили вниз.

---

*Чёрная овца (*тюркск.*)

Даль безбрежна, бездорожна, крупка сыплется с небес,
Шприцем изморозь подкожно вводит невидимка-бес.
Дутов бредит: «К бою, ротный, пулемёты — на обрыв!
Нам бы не в поход голодный, а в Брусиловский прорыв.

Помню, рвалось небо с треском — госпитальная пора,
А в Неплюевском кадетском славном корпусе — жара:
К царскосельскому параду муштровали
день-деньской.

Фронт — в тылу, противник рядом... Я защитник,
не изгой,

Бит осколками, контужен, Анны две и Станислав,
Начинал служить хорунжим — генералом в сорок стал.
Русский крест казачий тяжек, лишь героям по плечу.
Где Икона? Кто на страже? Прикоснуться к ней хочу».

II.

Камыши сгибает ветер, пишет рябью по волне:
«Кто казаченок приветит в азиатской стороне?
Сорный знак вцепился в пашни, запустенье, мор и пал.
Не вернуть нам день вчерашний, светлый батюшка-Урал.

Проложи к востоку русло, измени движенье вод,
Оренбургской жизни тусклой дай иной, свободный ход.
Смой заброшенную церковь прочь с поруганной земли,
И кладбище с прахом предков, и степные ковыли,

Не забудь колки и кручи, изб саманных скарб и хлам,
Пусть на спинах волн текучих устремятся по следам

За отчаянным народом... Разбушуйся, дай мне знак!
Будет пить родную воду, жить в родной степи казак».

Водяной язык по гальке зашуршал, слагая речь:
«Козаков мне, ветер, жалко, надо семя их сберечь.
Отступили, не вернутся, но взойдут в полях ростки —
Внуки, век спустя, вольются в атамановы полки.

Вот потомки есаула, вот и писаря родня,
Глянь — урядниковы скулы: два румянца, два огня.
Будут вместе строить храмы, отливать колокола,
И Табынской, лучшей самой, вознесётся вновь хвала!

12.

Даже списки мироточат с Дива дивного в миру.
Мы пождём, а красный кочет сам помрёт
в своём жару,
Поколеньям в назиданье — как наказ на все года:
Русский русскому страданье не приносит никогда!»

Так Урал ответил ветру и понёс волну быстрей.
Дети ладят нитки к веткам, ловят в ямах пескарей.

.....

В городке Красноуольске у купален — толчея:
Гость из области Свердловской, оренбургская семья,

Из Челябинска соседи, из Актюбинска друзья.
Каждый с хворью личной едет — излечить её нельзя
Без целебных вод солёных, без Господних добрых рук.
Жаль, в Китай ушла Икона, исцелявшая от мук.

На попутках автостопом, на автобусах гурьбой,
Кто пешком сюда притопал, а кого везут с собой.
Мальчуган десятилетний — оренбургский казачок —
Подошёл к скале заветной, бросил наземь рюкзачок —

Отдохнуть с дороги надо. Вдруг раздался чудный глас:
«Не смыкай-ка вежды, чадо, мя приять во храм сейчас!»
Вознесёт он кверху очи и увидит: на скале
Образ в лаке солнцеточит — дар божественный земле.

ОБ АВТОРАХ

КАН ДИАНА ЕЛИСЕЕВНА родилась в 1964 году в Термезе (Узбекистан). Российская поэтесса, автор восьми поэтических сборников. Лауреат всероссийских премий. Член редколлегий ряда литературно-художественных журналов России. Член Союза писателей России. Живёт в Оренбурге.

КУЗНЕЦОВ ВАЛЕРИЙ НИКОЛАЕВИЧ родился в 1941 году в Оренбурге. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Поэт, автор нескольких поэтических сборников, книги очерков литературного краеведения «Я посетил места...». Лауреат Всероссийской литературной Пушкинской премии «Капитанская дочка», региональной литературной премии им. П.И. Рычкова. Член Союза писателей России. Живёт в Оренбурге.

КОЖЕВНИКОВА НАТАЛЬЯ ЮРЬЕВНА родилась в 1948 году в Бузулуке. Поэт. Главный редактор журнала «Гостиный Дворъ». Член Союза писателей России. Автор четырёх поэтических книг. Лауреат премии журнала «Москва», Всероссийских литературных премий «Капитанская дочка», «Соколики русской земли», им. Д.Н. Мамина-Сибиряка, Губернаторской премии «Оренбургская лира», региональной литературной премии им. П.И. Рычкова. Живёт в Оренбурге.

МАКУРОВ ВЛАДИМИР АНАТОЛЬЕВИЧ родился в 1962 году. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Поэт. Печатался в литературных журналах. Автор двух поэтических книг. Член Союза писателей России. Живёт в Новотроицке.

НИХАЁВ АЛЕКСЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ родился в 1962 году в селе Богдановка Тоцкого района Оренбургской области. Поэт, прозаик, бард. Автор нескольких сборников стихов и прозы. Лауреат межрегионального фестиваля авторской песни «Эпицентр добра» в номинации «автор-исполнитель» и региональной литературной премии имени С.Т. Аксакова.

МОИСЕЕВ ВЯЧЕСЛАВ ГЕННАДЬЕВИЧ родился в 1962 году в Оренбурге. Поэт, прозаик, переводчик, публицист. Выпустил несколько

книг стихов, прозы, переводов. Лауреат Всероссийской литературной премии им. Д.Н. Мамина-Сибиряка, областной литературной премии им. С.Т. Аксакова, региональной литературной премии им. П.И. Рычкова и Открытого Евразийского конкурса переводчиков. Член Союза российских писателей. Живёт в Оренбурге.

ХАЛЬЗУНОВ АЛЕКСЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ родился в 1968 году в Оренбурге. Поэт. Автор четырёх поэтических сборников. Лауреат региональной литературной премии им. П.И. Рычкова и областной литературной премии им. С.Т. Аксакова. Член Союза российских писателей. Живёт в Оренбурге.

АВЕРЬЯНОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ родился в 1947 году в Медногорске Оренбургской области. Прозаик, поэт, журналист, бард. Автор книг «Вслед за некрасивой», «Здравствуй, сиреневый город!». Записал несколько дисков со своими песнями, значительная часть которых посвящена Оренбургу. Заслуженный работник культуры Российской Федерации. Лауреат Губернаторской премии «Оренбургская лира». Член Союза российских писателей. Живёт в Оренбурге.

РЫКОВ ПАВЕЛ ГЕОРГИЕВИЧ родился в 1945 году в Москве. Поэт, прозаик, драматург. Окончил Московский государственный институт культуры. С 1988-го по 2012 год руководил Государственной телерадиокомпанией «Оренбург». Лауреат многих международных и российских премий в области радио и телевидения, премии им. Валериана Правдухина, региональной литературной премии им. П.И. Рычкова, Губернаторской премии «Оренбургская лира», областной литературной премии им. С.Т. Аксакова. Член Союза писателей России. Живёт в Оренбурге.

ШАДРИН ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ родился в 1959 году в Орске. Поэт. Автор нескольких книг стихотворений. Его стихи печатались в еженедельнике «Литературная Россия», в журналах «Гостиный Дворъ», «Москва», «Молодая гвардия». Лауреат премии им. Валериана Правдухина. Член Союза писателей России. Живёт в Орске.

МОЛЧАНОВ ВИТАЛИЙ МИТРОФАНОВИЧ родился в 1967 году в Баку. Поэт. Председатель Оренбургского регионального отделения Союза российских писателей, директор Областного Дома литераторов им. С.Т. Аксакова. Лауреат многочисленных международных и всероссийских литературных премий. Автор семи сборников стихотворений. Живёт в Оренбурге.

СОДЕРЖАНИЕ

СЕРГЕЙ ТИМОФЕЕВИЧ АКСАКОВ

Вот родина моя... 3

Диана Кан

«Мир озарён прощальной улыбкой...» 4

«Не кручинься и не плачь...» 5

«Смирению у Пушкина учусь...» 7

«На распахнутом настезь просторе...» 9

«Родничный Дол... Саринский сырт...» 11

«Не в Москву, не в Мадрид, не в Лютецию...» 12

«Самару в Оренбурге помнят чаще...» 14

«Край мой мятежный...» 15

Валерий Кузнецов

«В моём краю с утра и до утра...» 16

На марах 17

На степном разъезде 19

«Всё, что томило и жгло...» 20

Орлёнок 21

«Ветром повеяло с поля...» 22

Прощание со степью 23

«Жизнь выбилась из колеи домашней...» 24

Лесной покос в июле 86-го 25

Январь 1945-го 27

НАТАЛЬЯ КОЖЕВНИКОВА

Воскресенье в Оренбурге	29
«Степь вокруг — как море в непогоду...».	30
Уральский тракт	32
Степные сосны	34
Тюльганский лес	35
«Во льду бетонное крылечко...».	36
Художнику Ю. Рысухину	37

ВЛАДИМИР МАКУРОВ

Сенокос в армии	39
Вокзал	40
Разливы Урала.	41
Губерлинские горы.	42
Корни.	44
Земля моя	45
Исток.	46
Ковыльный дым	47
Утро в ноябре	49
Дороги малой родины	50
Камсачка	51
Солончаки	52
Степное детство	53
Русская зима.	54
Цветёт шиповник	55
Оренбургские дали	56
Еду в осень	57

АЛЕКСЕЙ НИХАЁВ

Краса степей.	58
«В степи, в компании овечьей...».	59
Про дом отцовский.	61

«Я ненавидел баню до поры...»	62
Всё, что Родиной зовут.	63

ВЯЧЕСЛАВ МОИСЕЕВ

«Я жил в том городе, где падает жара...»	65
Субботний полдень в Форштадте	66
На озере	68
«Вновь вопросы...»	69
Тыл	70
1946-й	71
Чилига	73
Всё, что делает природа	74

АЛЕКСЕЙ ХАЛЬЗУНОВ

Белая церковка	76
«Знаешь, девочка, только в бреду...»	78
Странный сон о Гражданской войне.	80
Провинция	81

АЛЕКСАНДР АВЕРЬЯНОВ

Оренбург	83
Сиреневый город	85
Беловка.	86
Ренда	88
Форштадт	90
В парке «Тополя»	91
Столица мира	93
Куранты	95
Течёт река	97

ПАВЕЛ РЫКОВ

«В жизни случается всякое; выпадает денёк...»	99
Ах ты, степь моя...	101
Григорьеваныч	102

Дворовое пение.	105
Керосин в 1956 году.	106
«Когда заступников не счесть...».	109
Сталинградец.	111
Оренбургский вальс	113
Виолончель и Слава	114
Пушкин у Татищевой крепости	116
Степаных	118
Хлебный дух	120
Яицкая скоморошина	122

ВЛАДИМИР ШАДРИН

«Здесь край России. Пост её земли...»	125
«Пресёкся дождь, и в перемене резкой...»	126
Глушь	127
«Среди полей, среди больших...»	128
Метель.	129
«Как хорошо в уральском городке...»	130
Под берёзой	131
«Предзимний сезон. Зарядили дожди без конца...».	132
Весна на Урале	133
«Когда сигналият дальние зарницы...».	136
Ива	137

ВИТАЛИЙ МОЛЧАНОВ

Табынская (<i>поэма</i>)	138
<i>Об авторах</i>	150

«Вот родина моя...»

Редактор Виталий Молчанов
Выпускающий редактор Вячеслав Моисеев
Верстка — Леонид Маслов
Корректор Людмила Моисеева
Обложка Олега Рукавицына

Допечатная подготовка:
Издательский центр МВГ,
e-mail: wgmoses@mail.ru,
тел. 8 (902) 365-41-99.

Подписано в печать 15.12.2020 г.
Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Универсальная Типография „Альфа Принт“»:
620049, Свердловская обл., г. Екатеринбург,
переулок Автоматики, дом № 2ж.

Тираж 200 экз. Заказ №

ISBN 978-5-907297-62-3

9 785907 297623 >